

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ФЛОРЕНСКИЙ П. А.

ТЕРМИН *

IX. «Я называю терминологией систему терминов, употребляемых при описании предметов естественной истории», говорит Уэвелль²³. Терминология — это орудие, посредством которого делается точное наименование²⁴. «... Кто только возьмется за изучение какого-нибудь отдела науки, — продолжает тот же историк науки, — тот сейчас же увидит, что без технических терминов и твердых правил не может быть надежного или прогрессивного знания. Неопределенный и детский смысл обыкновенного языка не может обозначать предметов с твердой точностью, необходимую при научном исследовании, и возводить их от одной ступени обобщения к другой. Для этой цели может служить только крепкий механизм научной фразеологии. Необходимость в ней чувствовалась в каждой науке с самых ранних периодов ее прогресса»²⁵. А в другой своей работе, подводя итоги своим наблюдениям над жизнью Науки, Уэвелль так свидетельствует о существенности в Науке терминов: «Почти каждый успех науки ознаменован новообразованием или усвоением технического выражения. Обиходный язык имеет, в большинстве случаев, известную степень вялости или двусмысленности, подобно тому, как ходячее знание /common knowledge/ обычно заключает в себе нечто расплывчатое и неопределенное. Это знание имеет дело обычно не с одним только разумом, но обращается более или менее к какой-либо заинтересованности или возбуждает фантазию; на службе такому знанию и обиходный язык всегда содержит, следовательно, окраску заинтересованности или воображения. Однако, по мере того как наше познание становится вполне точным и чисто разумным, мы требуем также точного и разумного языка, который равномерно исключал бы неясность и фантастику, несовершенство и излишество, — такого языка, каждое слово коего должно сообщать твердую и строго ограниченную мысль. Таковой язык, — язык науки, возникает чрез пользование техническими выражениями... Прогресс в использовании техническим научным языком представляет нашему наблюдению два различных, следующих друг за другом периода; в первый период технические выражения образуются попутно, как они случайно представляются; напротив, во втором периоде технический язык составляется сознательно, с определенным намерением, со вниманием к связности, с видами на установление системы. Попутное и систематическое образование технических выражений хотя и не могут быть разделены определенной датой/ибо несистематически во все времена отдельные слова бывали образуемы в отдельных науках/, однако мы не можем один период назвать античным, а другой — новым»²⁶. Далее обильными примерами из истории наук Уэвелль подтверждает свой тезис.

* Окончание. Начало см.: ВЯ, 1989, № 1.

Но термин, как выяснено было ранее, по общему свойству языка, должен быть соотносительным с некоторым синтетическим предложением²⁷, его заменяющим и в него свитым. Это последнее есть определение термина, но не «вербальное», каковое никакого термина создать неспособно, ибо не производит синтеза, а определение реальное, которое Уэвелль называет «объяснением понятий — explication of conceptions»²⁸. Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится. — Многие из тех споров, которые имели важное значение для процесса образования современной науки, по замечанию Уэвелля²⁹, «...принимали вид борьбы из-за определений». Так, исследование законов падения тел привело к вопросу о том, которое из определений постоянной силы правильно: то ли согласно которому она порождает скорость, пропорциональную пространству, или же то, по которому эта скорость пропорциональна времени. Спор о *vis viva* (живой силе) свелся к вопросу о правильном определении меры силы. Основным вопросом в классификации минералов является вопрос об определении минерального вида (*species*). Физиологи старались осветить свой предмет определением организаци и или того или другого сходного с этим термина. Подобного же рода вопросы долго были открыты (да и до сих пор еще не вполне решены) относительно определений „удельной теплоты“, „скрытой теплоты“, „химического средства“ /.../ и „растворения“ /.../. «„Для нас очень важно отметить, продолжает Уэвелль, — что эти споры никогда не представляли собою вопросов об отдельных и произвольных определениях, как это, по-видимому, часто думали. Во всех этих случаях безмолвно признавалось некоторое предложение, которое должно было быть выражено при помощи определения и которое придавало этому последнему его значение. Поэтому спор об определении приобретал реальное значение и становился вопросом об истинности и ложности... Таким образом, установление правильного определения того или другого термина может быть полезною ступенью при выяснении наших понятий, — однако, только в том случае, если мы рассматриваем какое-либо предложение, в котором имеет место этот термин. Тогда действительно является вопрос о том, как надо понимать и определять это понятие для того, чтобы это предложение было истинным. Раскрытие наших понятий при помощи определения оказывалось полезным для науки только тогда, когда оно было связано с немедленным применением этих определений... Определение представляет, быть может, лучший способ разъяснения понятия; но понятие становится стоящим какого бы то ни было вообще определения только вследствие его пригодности для выражений той или другой истины. Когда определение предлагается нам в качестве полезной ступени знания, мы всегда имеем право спросить, для установления какого принципа оно будет служить“. Поэтому, „определить“ значит отчасти открыть... Для того, чтобы определить так, чтобы наше определение имело научную цену, требуется не мало той проницательности, при помощи которой открывается истина... Чтобы вполне выяснилось, каково должно быть наше определение, нам следует хорошо знать, какую именно истину надо нам установить. Определение, как и научное открытие, предполагает уже сделанным некоторый решительный шаг в нашем знании. Средневековые логики считали определение последнюю ступенью в прогрессе знания, — и по крайней мере, что касается такого именно места определения, то как история знания, так и опирающаяся на нее философия науки подтверждают их теоретические соображения». Таковы неко-

торые из мыслей Уэвелля относительно взаимопревращаемости термина и закона, и существенной значимости термина в истории науки. К этим мыслям вполне примыкает, распространяя и восполняя, хотя при этом и обезцвечивая их и лишая их остроты, Джон Стюарт Милль³⁰, современник Уэвелля. Но через пол-века мы встречаем те же мысли, и притом возникшие, по-видимому, самостоятельно, на почве исследования методологии знания, у Анри Пуанкаре, одного из наиболее талантливых и широко-мыслящих ученых конца XIX-го и начала XX-го века. Первый шаг в научном творчестве, по Пуанкаре, — «искание особой красоты, основанное на чувстве гармонии»³¹. Оно наводит ищущего на гипотезу, угадываемую интуитивно, но еще не оправданную. «Всякое обобщение есть уже гипотеза»³², — т. е. в смысле неоправданности логической. Пригодность гипотезы должна быть обследована, а для этого гипотеза раскрывается в своих последствиях в теорию соответствующего круга явлений, и в этом виде подлежит дискурсивному над нею творчеству³³. Одной из важнейших функций дискурсивного творчества Пуанкаре признает соиздание научного языка. «Трудно поверить, как много может одно хорошо выбранное слово „экономизировать мысль“, выражаясь словами Маха»³⁴. Например, физики «изобрели слово энергия, и это слово оказалось необычайно плодотворным, ибо оно творило закон, элиминируя исключения, ибо оно давало одно и то же имя различным по содержанию и сходным по форме вещам»³⁵. «Математика и есть искусство называть одним и тем же именем различные вещи... Надо только, чтобы эти вещи, различные по содержанию, сближались по форме...»³⁶. И, подводя итоги: «...Вся творческая деятельность ученого, по отношению к факту, исчерпывается речью, которою он его выражает»³⁷.

Х. Нет надобности далее настаивать на существенном участии термина в истории мысли: полагаю, что и сказанным достаточно установлена зиждущая и скрепляющая сила в развитии мысли — термино-творчества. Но пора вдуматься более внимательно в самую природу термина. И, прежде всего, что есть термин этимологически и семасиологически? — *Terminus*, или *terminen*, *inis* или *termo*, *onis* происходят от корня *ter* — означающего: «перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону»³⁸. Итак, *terminus* — граница. Первоначально эта граница мыслилась, как вещественно намеченная, и потому выше-означенное гнездо слов означало пограничный столб, пограничный камень, пограничный знак вообще. В греческом языке слову термин, как в философии, так и в более широком пользовании, соответствует слово *βροζ*, а также слово *βροσιός*, от *ForFos*, что собственно значит: борозда, а затем граница³⁹. Как и во всех древних терминах философии, в самом термине «термин» без труда осязается первичный сакраментальный смысл, и это священное перво-значение — не случайность в плоскости философской, но, напротив, как это постоянно наблюдаем в истории философской терминологии, философская терминологическая чеканка обще-употребительного слова проявляет в слове его первичный слой, заволоченный более поздними односторонними его произрастаниями, закономерно, но, обедняяще, расчленяющими перво-коренную слитную полноту и метафизичность слова.

Что же такое термин, т. е. граница, в порядке историческом? ⁴⁰ Как известно, первоначальное право на собственность было понятием и установлением чисто-религиозным, но отнюдь не внешне-юридическим. Оно существенно вытекало из страха Божия, именно страха задеть культ, к которому не принадлежит чужак, — не принадлежит же и не может принад-

лежать, ибо он не происходит от почитаемых в данном роде усопших, и потому, если бы нарушил священную неприкосновенность чего бы то ни было, входящего в организацию их культа, хотя бы даже просто коснулся чего-либо, то за таковое нечестие, за осквернение табу, неминуемо потерпел бы страшные кары от самих оскорбленных покойников. Имуществом владели не живые, но усопшие, т. е. сделавшиеся богами. В других случаях, владельцами имущества были духовные существа высших порядков, — герои, демоны или боги, в собственном смысле слова; но мистическое обоснование неприкосновенности имущества, вместе с повышением иерархического чина владельца, конечно, только усиливалось. Имущество недвижимое, а в особенности земельное, было предметом особой бдительности духовного мира, ибо в земле ведь лежали кости почивших и потому приобrevших сверхъестественное могущество владельцев ее, и могилы их были престолами, а окружающая их земля — храмом; дом же сынов и внуков этих владельцев, управляющих священным имуществом, был тоже храмом, возникшим как покров и ограждение святейшего средоточия всего само-замкнутого культа — священного очага, которому жречествовала семья потомков тех усопших. Таким образом, первоначальное право на земельную собственность обеспечивалось не законами, а религией. Каждое поместье было под надзором домашних божеств, и они сами охраняли его. «Lares agri custodes — лары стражи поля», говорит о них Тибулл⁴¹, а по свидетельству Цицерона, «religio Larum posita in fundi villaeque conspectu — почитание ларов происходит в виду поместья и мызы»⁴².

Чем же разграничивалось владенье от владенья? — Каждое поле должно было быть окруженным, как и дом, оградой, которая его отчетливо отделяла от владений других семейств. Эта ограда не была каменной стеною, а по силе своего действия скорее напоминала те неглубокие рвы и невысокие валы, обсаженные деревьями, которые блюдут священную границу наших сельских и провинциально-городских кладбищ. Сила таких ограждений — не в механическом препятствии, ими представляемом, а — в символическом ознаменовании священной неприкосновенности «городка»: нарушить этот символ разграничения области отошедших от области пребывающих в суе — значит вступить в тяжбу с теми, которые по ту сторону священного насаждения вдоль вала и рва. Но у древних такую ограду бывало даже и нечто еще более простое: полоска земли в несколько футов шириною, эта полоска должна была оставаться необработанной, и никогда не касался ее плуг. Разделяющее поля пространство было священо: римский закон, — как свидетельствует Цицерон⁴³, объявлял его не подлежащим проскрипциям; оно принадлежало религии. В определенные дни месяца и года отец семейства обходил свое поле, следуя этой священной линии; он гнал пред собою жертвенных животных, распевал гимны и совершал жертвоприношения⁴⁴. Этим обрядом он рассчитывал вызвать благожелательство своих богов к своему полю и к своему дому; он в особенности ознаменовывал свое право собственности, которое более точно следовало бы назвать правом собственности почитаемых предков и прочих домашних божеств, верша вокруг своего поля обряды своего домашнего культа. Путь, которым следовали жертвенные животные и вдоль которого пелись молитвы, был нерушимым пределом владения. — На этом пути, в некоторых промежутках друг от друга, хозяин размещал какие-нибудь необделанные камни или какие-нибудь деревянные чурбаны, которые носили название *termen*. Что это были за границы и какие представления связывались с ними, можно судить по тому обряду, с каким

полагались они в землю. ⁴⁵ «Вот что делали наши предки, — говорит С и к у л Ф л а к к, — они начинали с того, что выкапывали небольшую яму, воздвигали на краю ее Терм и увенчивали его гирляндами из трав и цветов. Затем совершали жертвоприношение; крови закланной жертвы они давали течь в яму; туда же бросали горящие уголья /зажженные, вероятно, на священном огне очага/, хлебные зерна, пироги, плоды и возливали немного вина и меду. Когда все это сторало в яме, то на теплую еще золу они наваливали камень или обрубок дерева» ⁴⁵. Ясно, видно, что целью всех этих обрядов было сделать из Терма нечто вроде священного представителя домашнего культа. Чтобы сохранять за ним его священный характер, над ним ежегодно возобновлялось священнодействие, с возливанием либации * и чтением молитвы. Водруженный на земле Терм был, следовательно, как бы домашнею религиею, всаженной в почву, чтобы показать, что эта земля стала навсегда собственностью семьи. Позже, содействием поэзии, Терм стал рассматриваться как бог отдельный и личный. — Употребление Термов, или священных межевых знаков, было, по-видимому, всеобщим у Индо-Европейских народов. В глубокой древности оно существовало у индусов, и священные обряды установки границ имели у них много сходства с теми обрядами, которые Сикул Флакк описал в Италии ⁴⁶. До Рима мы находим Терм у сабинян ⁴⁷; мы находим его также у этрусков. Эллины имели тоже свои священные границы, которые назывались у них *βροί, θεοί βροί* ⁴⁸; так, П л у т а р х и Д и о н и с и й переводят слово *terminus* чрез *βρος*; впрочем, и слово *τέρμιον* существовало в греческом языке ⁴⁹. Наши угли, закапываемые в яму, при межевании, это конечно есть пережиток углей жертвенных; утилитарное же значение их непонятно пока — понято лишь вторичное.

Раз Терм поставлен уставно, то не было той силы в мире, которая могла бы его переместить. Он должен был на веки вечные пребывать на том же самом месте. Этот принцип религии выразился в Риме таким сказанием: сам Юпитер, когда он пожелал занять место на capitoлийском холме, под храм себе, не мог удалить оттуда богов Терма. Это старое предание показывает, насколько священной была собственность; недвижимый Терм не означает ничего иного, как нерушимое право собственности; это есть характерный для римской религии функциональный бог, бог-функция, именно функция охранения границы, воплощенная вещественно. Терм охранял границу и бодрствовал над нею. Сосед не смел приблизиться к ней вплотную: «Ибо тогда, — как говорит О в и д и й ⁵⁰, — бог, который чувствовал себя задетым лемехом или мотыком, кричал: „Остановись, это мое поле, а там вот — твое“». Чтобы завладеть полем какой-либо семьи, надо было опрокинуть или переместить межевой столб: между тем, этот столб и был богом-охранителем. Такое святотатство было ужасно. и кара за него — сурова. Древний римский закон гласил: «Если кто задел Терм лемехом сохи, то сам он и его быки да будут посвящены подземным богам — *qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse*» ⁵¹, а это значит, что виновный и его быки должны быть во-искупление закланы. Этрусский закон, говоря от имени религии, выражался так: «Кто коснулся межевого столба или переместил его, будет осужден богами; дом его разрушится, род его угаснет; земля его не произведет больше плодов; град, ржа, засуха погубят его жатвы; члены виновного покроются язвами и иссохнут» ⁵² — Афинский закон по тому же предмету не дошел до нас: сохранилось лишь три слова: «Не переходи границы». Но П л а т о н,

* Либации / лат. *libatio* / — возливания.

по-видимому, восполняет мысль законодателя, когда говорит: «Нашим новым законом должен быть следующий: „Никто не касается межи, отделяющей его поле от поля соседа, ибо ей должно оставаться нерушимой; никто не дерзает сдвинуть маленький камень, который отделяет дружбу от вражды, камень, который с клятвой обязались оставить на месте“»⁵³.

Из всех этих верований, обычаев и законов следует, что это именно домашняя религия научила человека сделать землю собственностью и обеспечила ему право над нею. Термин возникает первоначально, как страж порога, страж священного участка, страж всего, что в пределах сохраняемой границы содержится. Иначе говоря, Термин первично есть хранитель границы культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смещения, тем самым, стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству. Термин же не пускает жизни течь по пути легчайшему, и потому препятствует рассеиваться ее деятельности в бесплодном умножении количества, при низком уровне качества, но, напротив, подымет ее уровень, увеличивает ее потенциал и ведет жизнь к совершеннейшим достижениям, в формах сгущенных и проработанных. И сам он, будучи, п р е д е л о м данной области культуры, п р и н а д л е ж и т к этой культуре, выражусь математически: есть ее п р е д е л ь н о е з н а ч е н и е. Он, давая толчок к возникновению известной культуры, вместе с тем и цель, к которой культура стремится — не даром в самом имени своем содержащая и указание на некоторую связь с культом и примету будущего времени /форма на -urus/. Конечная причина совпадает с причиною действующею, конец примыкает к началу, А — то же что Ω; термин есть душа культурного участка земли со всем его содержимым и, как душа, не только облекает свое тело, будучи пределом его периферии, но и живет в самой сокровенной глубине его: это знаменуется пребыванием одних и тех же домашних божеств и на периферии поля и в самом средоточии его, над священнейшим домашним очагом. Так душа, чтобы строить себе тело, отграничивает будущую его область от окружающей среды, и только в этом яйце тклет ткань жизни. Так первая система, средоточие организма, вместе с тем облекает его, ибо наша кожа есть не что иное, как преобразование нервной же системы.

XI. В философию слова terminus или равносильное ему ὄρος и ὁρισμός попадают именно из религии, и притом с сохранением первоначального смысла. «Определение /по-гречески/ называется ὁρισμός от метафоры с земельными границами — удостоверяет св. Иоанн Дамаскин. — Как граница отделяет собственность каждого человека от собственности другого, так и определение отделяет природу каждой вещи от природы другой»⁵⁴. Дамаскин устанавливает также некоторую разницу смысла слова ὄρος и производного от него ὁρισμός: «Название „определение“ /ὁρισμός/ отличается от названия „термин“ /ὄρος/ тем, что первое уже, а второе шире. В самом деле „термин“ /ὄρος/ обозначает и земельную границу, и решение. /напр., когда говорим ὄρισεν ὁ βασιλεὺς /царь решил//. Точно так же он означает то, на что разлагается посылка, /как мы это, с Божьей помощью, узнаем потом/. Обозначает оно и определение; определение же означает только краткую речь, выражающую природу подлежащей вещи»⁵⁵. Иначе говоря, слово ὄρος действительно значит: и земельная граница, и определение, и термин, и решение или постановление; но, кроме того, изменением суффикса произведено и более специальное слово — ὁρισμός для обозначения определения. Но собственно слово, ὄρος, имея все эти смыслы, имеет их не порознь, исключаящими друг друга,

но вместе, с переливом блеска то туда, то сюда, смотря по общему смыслу речи. Наша же привычка понимать слово раздробительно ведет при толковании произведений древности ко многим лишним спорам. Вспомним многочисленные пререкания по поводу так называемых «определений» Евклида. Однако, стоило С и м о н у, в своем переводе Евклидовских «Начал» передать слово *ῥος* через более общее «о т г р а н и ч е н и я»⁵⁶ и повод к спорам был устранен. Дело объясняется просто: по мнению Л а м б е р т а⁵⁷, «то, что Евклид предпосылает в таком изобилии определения, есть нечто вроде номенклатуры. Он, собственно говоря, поступает так, как поступает, напр., часовщик или другой ремесленник, начиная знакомить учеников с названием орудий своего мастерства». С таким пониманием *ῥος* — определений, как терминологических установок, согласен и Ц е й т е н⁵⁸. То же говорит и выше-упомянутый С и м о н⁵⁹. А м а л ь д и⁶⁰, со ссылкой на выше-названных, со своей стороны заявляет: «...Мы слишком много занимаемся учеными толкованиями /определений Евклида.— П. Ф./, из которых ни одно прямо не исключает все остальные, потому что каждое из них, по-видимому, отражает мысль Евклида с особой стороны. Лишь исходя из предвзятой идеи, нуждающейся еще в дальнейших прояснениях, мы склонны отождествлять роль *ῥος* в геометрической системе Евклида с задачей, которая в нашу теперешнюю, преимущественно критическую эпоху возлагается на определения в математике вообще, в частности в геометрии. Позволительно, по-видимому, думать, что Евклид своими *ῥοι* имел в виду просто дать г е о м е т р и ч е с к у ю н о м е н к л а т у р у, чтобы затем в постулатах *ἀιτήματα* и „общих идеях“ *ἁποκαὶ ἐννοιαί*, общепринятые идеи, аксиомы/ формулировать свойства основных образований, долженствующие быть непосредственно примененными в последующих рассуждениях».

На языке более позднем, в значении слова *terminus* основным продолжает быть момент о п р е д е л е н н о с т и, хотя значение дифференцируется. По объяснению Дю-Канжа⁶¹, *terminus* значит: 1) область, описанная своими границами и пределами, т. е. самое содержание границы; 2) *definitio*, *ῥος*, постановление, в смысле соборных постановлений; тут *terminus* и *ῥος* в языках латинском и греческом в точности передают друг друга; 3) назначенное время, установленный день; 4) праздничный день.

Собственно-философское пользование словом термин введено преимущественно А р и с т о т е л е м. «Термином» *ῥος, terminus*/ суждения у него называются подлежащее и сказуемое суждения — логический субъект и логический предикат⁶². Понятно, почему это так: подлежащее и сказуемое суждения, ведь определяют собою р а з м а х мысли, тот, который допускается и предполагается актом суждения. Из беспредельной возможности в неопределенных блужданиях, мысль, актом суждения, само-ограничивается, сжимается, заключает себя в амплитуду подлежащего — сказуемого. Ибо подлежащее есть то, на чем говорящий желает сосредоточить внимание, а сказуемое — то, что именно должно открыт внимание в предмете своем.— Между тем, о чем мы говорим, и тем, что мы говорим, содержится весь простор мысли, т. е. оттенков и ограничений дальнейших, выражаемых обстоятельствами. А т. к., далее, логическое сказуемое и логическое подлежащее могут быть сложными, то каждая из составных частей их сама может получить наименование термина. Так пользуются словом термин философы. По Геккелю, называвшему себя Гоклением⁶³, *terminus* есть «*oratio rei essentiam significans* — речение, обозначающее сущность вещи». По Г у т б е р л е т у, «речение/

sprachlicher Ausdruck/ содержит понятия посредством слова. Поскольку это последнее в человеческом пользовании взаимно отграничивает понятия и таким образом намечает границу, как пограничный знак, оно называется в философском словоупотреблении термином.»⁶⁴. — По Гефлеру, научные термины суть «слова, значение коих — понятия»⁶⁵.

ХII. Итак, в приложении к философской и научной речи понятно словоупотребление: термин, terminus, брос. Это какие-то границы, какие-то межи мысли. В неопределенной возможности, мысли предлежащей, — двигаться в с я ч е с к и, в безбрежности моря мысли, в текучести потока ее, ею же ставятся себе твердые грани, неподвижные межевые камни, и притом ставятся как нечто клятвенно признанное нерушимым, как ею же установленные, т. е. символически, посредством некоторого сверх-логического акта, волею сверхличную, хотя и проявляющуюся чрез личность, воздвигнутые в духе, конкретные безусловности: и тогда возникает с о з н а н и е. Нет ничего легче как нарушить эти границы и сместить межевые камни. Физически — это легчайшее. Но для посвященного, они табу для нашей мысли, ибо ею же в этом значении и установлены, и мысль знает в них хранителя ее естественного достоинства и страшится нарушать их, как залого и условия собственного сознания. Чем определеннее, чем тверже — мыслию же поставленная препона мысли, тем ярче и тем синтетичнее сознание. По воззрениям многих современных психологов, сознание вообще есть следствие задержки непрерывного потока психической жизни: мы идем машинально, и в сознании нашем нет дороги; мы споткнулись, — и возникает сознание. Мы живем нравственно: у нас нет в сознании мысли о нравственности; наша нравственность качнулась — и возникает этика; в горячем увлечении этическими проблемами не скрывается ли обычно личной неэтичности? По меткому изречению Анри Б е р г с о н а, «представление закуперено действием»⁶⁶. «Несовпадение действий с представлением и есть то, что мы называем сознанием»⁶⁷, еще говорит он. И еще: «Сознание живого существа определяется, как арифметическая разность между деятельностью виртуальной и деятельностью реальной. Оно служит мерою отделения представления от действия»⁶⁸. «Дефицит в инстинкте... вот что становится сознанием»⁶⁹. С этой точки зрения, мысль, в смысле сознания, есть зеркальный образ задержанного внутреннего действия, мнимый фокус жизнедеятельности. Таково понимание современного психоанализа; в сущности, сюда же относится эмпириокритицизм. Воззрения Ф и х т е-старшего приводятся к той же мысли, но не в психологической, а в гносеологической и отчасти метафизической транскрипции: для самосознания абсолютного Я необходимо ему наткнуться на сопротивление не-Я, в силу чего возникает соотносительное этому последнему относительное Я, или точнее — я, с малой буквы. Различение названных и других мыслителей не в том состоит, признавать ли, или не признавать сознание — сублимацией задержки безграничного устремления волевых глубин, а — в том, происходит ли эта задержка от препятствий, внешних духу, и, следовательно, случайных в отношении его внутренней жизни, или, напротив, задержка полагается свободно самим же духом, значит, закономерно. Но, на известной глубине, когда открывается общая основа жизни внутренней и реальности внешней, и эта разница тех и других воззрений перестает быть чувствительной.

Итак термин, в разъясненном смысле слова, есть граница, которою мышление самоопределяется, а потому и сомосознается. Способ установки этого рубежа определяет и способ самопознания мысли, т. е. сознание того акта, той деятельности, которою ставится эта граница.

Останавливая свою безбрежную кипучесть, мысль тем самым осознает себя, как останавливающую, т. е. обретает в своем потоке нечто твердое, нечто неподвижное; но неподвижное это — не внешне ей, а есть ее же собственная деятельность, подвижная неподвижность ее же собственного акта, живое усилие и силовое напряжение. В могуче напряженном и как бы из стали отлитом мускуле совершаются мельчайшие вибрации, которыми и обнаруживается жизненность мускульного усилия. Когда мы стоим, то непрерывно падаем, то в одну сторону, то в другую. И напряженный мускул, и стоящий человек, действуют, усиливаются, живут. Так и термин. Недвижно стоящий пред мыслью, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности. И чем неподвижнее термин, тем отчетливее и тверже стоит он пред сознанием, тем большая требуется жизнь мысли. История термина есть ряд творческих усилий мысли, наслояющей себе вокруг основного ядра все новые препятствия, чтобы, сконцентрировав себя, приобрести новую силу и новую свободу.

XIII. Но каков же образ термино-образования? и как именно примыкает формирование термина к известному из лингвистики составу и росту обычного слова? В слове различаются, как известно, несколько центров. Концентры слова суть ступени и стадии образования его, прежде всего — индивидуально-личного, а затем, быть может, и обще-народного. Лингвисты стремятся, в духе эволюционизма, приравнять филогенезис слова его онтогенезису, но с этим уравниванием надо быть, по меньшей мере, осторожным. Осторожность тут тем более необходима, что у слова, кроме его роста в индивидуальном разуме, есть рост еще более индивидуальный, — возникновение слова всякий раз как произносимого, т. е. такой онтогенезис, в отношении которого развитие слова в индивидуальном разуме само должно рассматриваться как филогенезис. Но как бы то ни было, а нас занимает не исторический и даже не индивидуально-биографический процесс словообразования, а самая актуальность слова, я в л е н и е слова в данный момент, самый расцвет словесной энергии духа, т. е. слово как наиболее живое и наиболее действенное, как свидетельство силы и жизни духа. Выше-названные концентры слова суть, прежде всего, для нас, последовательные проявления или откровения духа. К перечню их можно подходить различно, смотря по общему складу мысли и по требуемому в данном именно случае разрезу слова, в том или ином направлении. Нас может занимать познавательная сторона слова, как дающего самую реальность; может — логическая форма, определяющая правомерность вхождения слова в лоно вселенской мысли, хотя оно исходит из уст индивидуальных; может представиться предметом нашего внимания и психическое содержание тех процессов, которыми первичное движение воли последовательно проявляет себя и воплощает в средах, последовательно все более внешних; можно исследовать физиологические и физические явления, представляющие самое тело этих воплощений или нисхождений внутреннего слова в материю; и, наконец, подлежат анализу сверхпсихологические и сверх-физиологические движения нашего существа, промежуточные между познанием реальности и психическими средствами явления его, с одной стороны, и, затем, промежуточные между психикой и физикой или, точнее, соматикой, — движения, объединяемые нами, за недостаточную их исследованность в одну группу явлений оккультных, хотя сокровенны они, главным образом, от европейского рационализма, а не по существу, и хотя объединение всех вместе столь же мало убедительно, как и каталожное наименование *Varia* — всем книгам, не вошедшим в состав прочих отделов.

Итак, различно может члениться слово на концентры, и загодя мы не имеем оснований настаивать на тождестве всех названных способов членения, — хочу сказать, граница дробления слова, проведенная по одному направлению мысли, не непременно совпадает с таковою же, намечающеюся в другом разрезе. Эта оговорка необходима, чтобы членения по разным направлениям не показались взаимно-уничтожающими вследствие недостаточной их продуманности. Так, например, индусская лингвистика, опирающаяся преимущественно на само-наблюдение со стороны оккультно-соматической, на опыт сознательного распределения п р а н ы, посылаемой произвольно в те или другие органы, устанавливает четыре концентра или четыре слоя в нашем слове. Слово бывает:

- 1, в мозгу — первичное, нара, соответственно абсолютному космическому плану, или атаман.
- 2, в легких — промежуточное, пассианти, соответственно каузальному космическому плану, или карана.
- 3, в горле — видимое, мадиама, соответственно астральному космическому плану, или суксма *.

ПРИМЕЧАНИЯ

23. Вильям Оувелль, — История индуктивных наук. Пер. с 3-го англ. издания М. А. Антоновича. СПб., 1869, т. 3, с. 402.
24. id., с. 402 /«Реформа описательной части ботаники была одним из первых дел, за которое взялся Линней; и его терминология была орудием, посредством которого он сделал другие улучшения»./
25. id., с. 403.
26. /Сноска не сохранилась. Возможно, она взята П. А. Флоренским из книги, упоминаемой в подготовительных материалах: William Whewell, — *Novum Organon Renovatum, The Third Edition, London, 1858.*/
27. id., pp. /35/? // Возможно, П. А. Флоренский имел в виду следующие слова Уэвелля: «Для нас очень важно отметить, что эти споры никогда не представляли собою вопросов об отдельных и произвольных определениях, как это, по-видимому, часто думали. Во всех этих случаях безмолвно признавалось некоторое предложение, которое должно было быть выражено при помощи определения и которое придавало этому последнему его значение.»/ цитируется по кн.: Д. С. Милль, — Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. под ред. В. Н. Иванова. М., Издание магазина «Книжное дело», 1900, с. 542./
28. Уэвелль. *Novum Organon Renovatum*, p. 35 /?/; Милль. Логика, с. 541. /Цитата взята из кн.: William Whewell, — *Novum Organon Renovatum, The Third Edition, London, 1858.* Цитируется П. А. Флоренским по кн.: Д. С. Милль, — Система логики силлогистической и индуктивной... М., 1900, с. 541./
29. id., pp. 35—37. / Цитируется П. А. Флоренским по кн.: Д. С. Милль, — Система логики силлогистической и индуктивной... М., 1900, с. 541—543./
30. Д. С. Милль, — Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. под ред. В. Н. Иванова. М., 1900, изд. магазина «Книжное дело», с. 534—587. Книга IV., гл. III—VIII.
31. А. Пуанкаре, — Наука и метод, /авторизованный перевод Бориса Кореня под ред. проф. Н. А. Гезехуса, СПб., 1910/, с. 14. /См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке. Пер. с фр. под ред. Л. С. Понтрягина. М., «Наука», 1983, с. 293; Пуанкаре — так и у П. А. Флоренского./
32. А. Пуанкаре, — Наука и гипотеза, Р., пер. 1903, с. 101. /А. Пуанкаре, — Гипотеза и наука — М., Тип. Г. Лиснера и А. Гетеля, 1903; см. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 97./
33. А. Пуанкаре, — Ценность науки, /пер. с фр. под ред. А. Бачинского и Н. Соловьева. М., Кн-во «Творческая мысль», 1906./с. 188—189 и 8—9. /См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 278—279 и 157—158./
34. А. Пуанкаре, — Наука и метод... СПб., 1910/ с. 23./См. также кн.: Анри Пуанкаре. О науке... М., 1983, с. 300/.

* На этом рукопись обрывается.

35. А. Пуанкарэ,— Наука и метод/... СПб., 1910/ с. 24. /См. также кн.: Анри Пуанкарэ. О науке... М., 1983, с. 301./
36. А. Пуанкарэ,— Наука и метод /... СПб., 1910, /с. 23—24./См. также кн.: Анри Пуанкарэ. О науке. М., 1983, с. 300./
37. А. Пуанкарэ,— Ценность науки/ ...М., 1906, /с. 163. /См. также кн.: Анри Пуанкарэ. О науке... М., 1983, с. 261/
38. /AL./ Walde,— /— Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2-e umgearbeitete Auflage. Heidelberg, 1910. /Indogermanische Bibliothek, 1, II, 1/, SS. 774—775.
39. /E./ Boissacq/,— Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Heidelberg — Paris, 1909./
40. Историческое выяснение слова Terminus и других родственных сделано главным образом по: Fustel de Coulanges, La cité antique, 20me édition, Paris, 1908, Livre II, chap. VI и др., pp. 62—75. Отсюда же взяты дальнейшие цитаты. Русский перевод: Фюстель де-Куланж,— Гражданская община древнего мира. Пер. с фр. А. М. Под ред. проф. Д. Н. Кудрявского. СПб., 1906, с. 59, 72. Затем: Preller, /Ludwig./ Какую из многочисленных книг и статей Preller'a имел в виду П. А. Флоренский, неясно. Возможно это: Romische Mythologie, 2. Bd., 1854./
41. Tibullus I.1.23. /См. кн.: Катулл. Тибулл. Проперций.— ГИХЛ, М., 1963, с. 160: «Лары, и вам, сторожам усадьбы когда-то богатой, Но захудалой теперь, я приготовил дары»./
42. Cicero,— De legibus/, II, 11, 27. /Цицерон. О законах, II, 11, 27.— В кн.: Цицерон. Диалоги. М., Наука, 1966, с. 118—199: «Такое же значение имеют и священные рощи в сельских местностях, и нельзя отвергать почитания ларов, завещанного предками как владельцами земли, так и домохозяевами, и обрядов, совершающихся на глазах у жителей имени и усадьбы»./
43. Cicero,— De legibus /, I, 21. /Цицерон. О законах, I, 21, 55—56.— Там же, с. 106—107: «...Из этого разногласия... и возник спор о границах; в этом споре /коль скоро законы Двенадцати таблиц не признали давности пользования в пределах пяти футов/ мы не позволим этому хитроумному человеку пасть на старом владении Академии... Мы сочтем нужным разыскать пограничные камни, установленные Сократом, и считать с ними».
- Примечание к данному тексту: «Полоса земли шириною в 5 футов, проходившая между смежными владениями, не подлежала отчуждению»./
44. Cato,— De re rust./ca/, 141. /Cato Marcus Porcius. De agricultura liber. Post Henricum Keil iterum ed. Georgius Goetz. Lipsiae, 1922, / второе издание/, /§ 141/: Agrum lustrare sic oportet. impera suovitaurilia circumagi: 'cum divis volentibus quodque bene eveniat, mando tibi, Mani, uti illace suovitaurilia fundum agrum terramque meam quota ex parte sive circumagi sive circumferenda censeas, uti cures lustrare'... «Освящать поле следует так: Повели обоим его с жертвоприношением свиньи, овцы, быка: Препоручаю тебе, божество подземного мира, при благоволении небесных богов...»/далее следует описание жертвоприношения./ Scriptores rei agrar /iae/, ed. Coez, p. 308. Dionys. Halicarn. II, 74. /Dionysius Halicarnassensis. Antiquitatum romanorum... rec. A. Kiessling, Vol. 1—2. Leipzig: Teubneri, 1840—1864/. Ovid. Fast. II, 639 /ff/. /Ovidius Naso P. Fasti, II, 639—642.— In: P. Ovidi Nasonis Fastorum libri sex. Leipzig: Teubner, 1889, S. 112: «Nox ubi transierit, solito celebretur honore separat indicio qui deus arva suo.
Termine, sive lapis, sive es defossus in agro stipes, ab antiquis tu quoque nimen habes».
- Описание древнеримского праздника Сатурналий, отмечавшегося 23 февраля. «Когда пройдет ночь, празднуется с обычными почестями бог, который своим указанием разделяет возделываемые поля. О Термин, будь ты камень или столб посреди поля, и ты тоже имеешь от древних божественные почести»./ Strabo, V, 3. /Strabonis Geographica. Recensuit commentario critico instruxit Gustavus Kramer. Vol. I. Berolini, 1850/.
45. Siculus Flaccus,— De conditione agrarum. Ed. Lachmann pp. 141; aed. Goez, p. 5. /Siculi Flacci de condicionibus agrorum.— In: Gromatici veteres. Ex recensione Caroli Lachmanni. Berolini, 1848, p. 141—143: Carbo autem aut cinis quare inveniatur, una certa ratio est: quae apud antiquos est quidem observata, postea vero neglecta; unde aut diversa aut nulla signa inveniuntur. cum enim terminos disponent, ipsos quidem lapides in solidam terram rectos conlocabant proxime ea loca in quibus fossis factis difixuri eos erant, et unguento velaminibusque et coronis eos coronabant. in fossis autem /in/ quibus eos posituri erant, sacrificio facto hostiaque inmolata adque incensa facibus ardentibus, in fossa cooperti sanguinem instillabant, eoque tura et fruges iactabant. favos quoque et vinum, aliaque quibus consuetudo est Termini sacrum fieri, in fossis adiciebant. consumptisque igne omnibus dapibus

super calentes reliquias lapides conlocabant adque ita diligentī cura confirmabant. adiectis etiam quibusdam saxorum fragminibus circum calcabant, quo firmitus starent... si vero pali lignei pro terminis dispositi sunt... aliudve quod loco termini observari videbitur, ex consuetudine regionis et ex vicinis exempla sumenda sunt. «Почему /под межевými столбами/ обнаруживаются уголь или пепел, тому есть определенное основание: обычай, соблюдавшийся древними, но позднее вышедший из употребления; оттого обнаруживаются либо различные знаки, либо никакие. Когда древние устанавливали межевые знаки /terminos/, они прежде всего вертикально водружали на твердой земле самые камни вблизи тех мест, где, выкопав ямы, собирались их ставить, и умащали эти камни благовониями, украшали покрывалами и увенчивали венками. Совершив жертвоприношение, они бросали в ямы части закланных жертвенных животных, зажегши их пылающими факелами, затем окропляли их кровью; туда же бросали финиам и жертвенные плоды, а также медовые соты, вино и прочее, что обычно посвящается /богу/ Термину. Когда огонь поглощал всю жертвенную трапезу, они располагали на ее тлеющих остатках камни, старательно укрепляя их. Чтобы камни стояли прочнее, их обкладывали со всех сторон булыжниками. Если в качестве межевых знаков поставлены деревянные столбы... упорядочившиеся вместо /каменных/ знаков... то примером служит обычай данной местности или соседей...»

Издания Г. Гетца, на которое ссылается автор и в котором также имеется вышеприведенный текст Сикула Флакка, в центральных библиотеках Москвы не оказались.

46. Законы Ману, VIII, 245. Vrihaspati, по цитате Jicé, — Le'gislat hindons, p. 189. /См.: Законы Ману. Пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М., Изд. восточной литературы, 1960, с. 168—169: «Если возник спор двух деревень о границе..., определять границу следует в месяце Джьяйшхта, когда пограничные знаки отчетливо видны.»/

47. Varron /L. V, 74/.

/Marci Terenti Varronis de lingua latina quae supersunt. Recensuerunt Georgius Goetz et Fridericus Schoell. Lipsiae in aedibus Teubneri, 1910, L. V, 74, p. 24.

«Et a r a e Sabinum linguam olent... nam, ut annales dicunt, vovit... Termino»
 «И слово агае /жертвенник/ тоже имеет привкус языка сабинян... ибо, как говорится анналы, он /древний царь сабинян Татий/ построил их... для /бога/ Термина.»/

48. Pollux IX, 9.

/Pollucis onomasticon. E codicibus ab ipso collatis denuo edidit et adnotavit Ericus Bethé. Fasciculus posterior, lib. VI—X continens. Lipsiae in aedibus Teubneri, 1931, p. 149.

Lib. IX, 8:

καὶ ἔν τῶν ὄρων Ζεὺς ὄριος καὶ στήλη ἐφόρια.

«А от /выражения/ 'граница' /идут словосочетания/ 'Зевс, охраняющий границу' и 'пограничный столб'»./

Hesichius

ὄριος/Hesychii Alexandrini Lexicon. Ed. minorem curavit Mauricius Schmidt. Editio altera indice glossarum ethnicae aucta. Jenae, sumptibus Hermannii Dufftii, 1867, col. 1145: ὄριος. νόμος. θεσμός, ἡ στήλη, ἡ καταπεπηγυῖα ἐπὶ χωρίῳ ἢ οἰκίᾳ

«Граница: закон, установление. Или столб, укрепленный у земельного владения или жилища.»/

Plato, — Законы, VIII 842 e. — 843a

/Платон, Законы, VIII 842 e — 843 a. — В кн.: Платон. Сочинения в трех томах, т. 3, ч. 2. М., «Мысль», 1972, с. 327; «Первый закон, закон Зевса — охранителя рубежей, будет гласить так: пусть никто не нарушает земельных границ своего ближайшего соседа, будь то гражданин или чужеземец, если чей-то участок лежит на окраине, так что граничит с его землей. Пусть каждый считает, что это поистине будет нарушением того, что нельзя нарушать. Пусть каждый скорее попорубит сдвинуть огромную скалу, чем межевой столб или даже маленький камень, закатывая перед лицом богов и размежевывающий вражду и дружбу.»

49. Euripides, Electra, 96.

/Euripidis tragoediae. Ex recensione Augusti Navckii. Editio tertia. Volumen I. Lipsiae, sumptibus et typis Teubneri, 1881, p. 244: πρὸς τέρμονας γῆς τῆσδ', ἴν' ἐκβάλω ποδὶ ἄλλην ἐπ' αἶαν...

«Я пришел всего лишь /к границам/ тέρμονας множ. винит. от τέρμων/этой земли, чтобы отступить в другую землю/ если меня кто-нибудь выследит»/.

В пер. И. Анненского:

«Но в город не войду я; две причины
 На это есть; во-первых, если нас

Шпион какой узнает, можно скрыться

В соседний край...»

Еврипид. Трагедии, т. 2. Пер. с др.-греч. И. Анненского и С. Шервинского. М., Худ. лит-ра, 1969, с. 10.

/Плутарх/ Numa 16.

/Πλουτάρχου Νοῦ ἄς 16.— In: Plutarchi vitae parallelae. Recognoverunt CL. Lindskog et K. Ziegler. Vol. III, fasc. 2. Leipzig: Teubner, 1973, p. 75, 1. 19—26. Πρώτον δέ φασι καὶ Πίστεως καὶ Τερμιονος ἱερὸν ἰδρῶσασθαι... ὁ δὲ Τερμιων ἔρος ἂν τις εἴη, καὶ θυροῦσιν αὐτῷ δημοσίᾳ καὶ ἰδίᾳ κατὰ τοὺς τῶν γῆρῶν περιορισμούς, οὖν ἢ ἐν εἰ ψυχα, τὸ γαλαῖα δ' ἐναί ακτος ἦν ἡ θυσία, Νομᾶ φιλοσοφισαντός ὡς χρεὶ τὸν ἄριον θεόν, εἰρηγῆς φύλακα καὶ δικαιοσύνης ἰάρτην ὄντα, σβόνου καθάρων εἶναι.

«И прежде всего говорят, он /царь Нума Помпилий/ соорудил святилище Веры и /бога/ Границы /τερμιονος/... /Бог/ Границы есть как бы предел, и ему приносят общественные и личные жертвы на межах полей, причем ныне приносятся в жертву живые существа, а в древности жертвоприношения были бескровны, поскольку Нума рассудил, что бога, охраняющего границу /τον ἄριον θεόν/, стража мира и свидетеля справедливости, не следует пятнать убийством»./

/Плутарх/ Quaest Rom. 15.

/Πλουτάρχου Αἰτίαι Ρωμαϊκαί,— In: Plutarchi moralia. Vol. II. Recensuerunt et emendaverunt W. Nachstädt — W. Sieveking — J. B. Titchener. Leipzig: Teubner, 1971, p. 282:

Διὰ τί τὸν Τερμιων, ὃ τα Τερμινάλια ποιεῖσι, θεοῦ νομίζοντες οὐδὲν ἔθουον αὐτῷ ζῶν; ἢ... Νοῦ ἄς... Ποῦ πῆλιος... τὴν Τερμιων ὡς ἐπίσκοπον καὶ φύλακα φιλίας καὶ εἰρηγῆς ὡς το δεῖν ἀγῆτος καὶ φόβου καθάρων καὶ ἀβαντον διαφυλάττειν;

«Почему, именуя богом Термина, которому посвящено празднество Терминалий, /римляне/ не приносили ему в жертву никакие живых существ? Не потому ли, что... Нума Помпилий.. счел, что Термин как надзиратель и страж дружбы и мира должен быть сохранен чистым и незагрязненным кровью и убийством?»

Имеющееся у автора указание также и на § 35 «Римских причин» Плутарха, по-видимому, ошибочно, так как в данном сочинении имеется лишь одно /приведенное выше/ упоминание о древнеримском боге Термине./

Дионисий /Галикарнасский/ — см. выше прим. 44.

50. Ovid. Fasti. II, 677—678.

/Ovidius Naso. Fasti, II 673 — 678.— In: P. Ovidii Nasonis Fastorum libri sex. Leipzig: Teubner, 1889, S. 114:

«Terminae, post illud levitas tibi libera non est:

qua positus fueris in statione. mane;
nec tu vicino quicquam concede roganti,
ne videare hominem praeposuisse Iovi,
et, seu vomeribus seu tu pulsabere rastris,
clamato: „Tuus est hic ager, ille tuus!“».

«О Термин, коль скоро все это так, легкость тебе невозможна: в каком месте ты будешь поставлен. там пребывай, и не уступай просьбам ни одного из соседей и не дай повода считать, будто ты поставил человека выше Юпитера; а если кто толкнет тебя лемехом или мотыгой, кричи: „Твое поле — вот это, а то — его!“»./

51. Festus, s. v. Terminus, ed. Müller, p. 368. /Sexti Pompei Festi De verborum significatione quae supersunt cum Pauli epitome. Emendata et annotata a Carolo Odofredo Muellero. Lipsiae, in Libraria Weidmanniana, 1839, p. 368:

«Termino sacra faciebant, quod in eius tutela fines agrorum esse putabant. Denique Numa Pompilius statuit, eum, qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse. Terminus quo loco colebatur, super eum foramen patebat in tecto, quod nefas esse putarent, Terminum intra tectum consistere».

«/Древние/ устраивали жертвоприношение Термину, ибо полагали, что пределы полей находятся под его охраной. Наконец, Нума Помпилий постановил, что если кто выроет межевой знак, распахнет между, на него самого и на быков надает проклятие. Над тем местом, в котором чтили Термина, в крыше делалось отверстие, ибо они считали неблагоприятным держать Термина под крышей»./

52. Script. rei agrar, ed Goez, p. 258; ed. Lachmann, p. 350—351 /Первого из двух изданий /Г. Гетца/, на которые ссылается автор при цитировании данного текста, в центральных библиотеках Москвы не оказалось. Приведем текст по второму из указанных автором изданий /Р. Лакмана/:

Ex libris Vegoiae Arrunti Velymno.— In: Gromatici veteres. Ex recensione Caroli Lachmanni. Berolini, 1848, p. 350—351:

«Iuppiter... constituit iussitque metiri campos signarique agros. sciens hominum avaritiam vel terrenum cupidinem terminis omnia scita esse voluit... sed qui con-

tigerit moveritque, possessionem promovendo suam, alterius minuendo, ob hoc scelus damnabitur a diis. si servi faciant, dominio mutabuntur in deterius. sed si conscientia dominica fiet, caelerius domus extirpabitur, gensque eius omnis interiet. motores autem pessimis morbis et vulneribus efficientur membrisque suis debilitabuntur. tum etiam terra a tempestatibus vel turbinibus plerumque labe movebitur. fructus saepe ledentur decutienturque imbribus atque grandine, caniculis interient, robigine occidentur. multae dissensiones in populo. fieri haec scitote, cum talia scelera committuntur».

«Юпитер... постановил и повелел измерить поля и обозначить земельные наделы. Зная человеческую жадность и земную похоть, он пожелал, чтобы все было известно по межевым знакам /terminis/... Но если кому случится передвинуть их, чтобы расширить свое владение и уменьшить чужое, то за это преступление он будет проклят богами. Если это сделают рабы, их подневольное положение изменится к худшему. Но если это будет совершено с ведома господина, то очень скоро его род искоренится, так что каждый в нем погибнет. А зачинщики будут поражены наихудшими болезнями и ранами и их тело будет ослаблено. Кроме того, их земля будет часто страдать от гроз, вихрей и обвалов. Плоды земли будут побиваться дождем и градом и осыпаться, иссохнут от жары, погибнут от ржи. Среди народа будет много раздора. Знайте, что все это произойдет, если будут совершены подобные преступления»./

53. Plato,— Законы VIII 842a — 843a /см. прим. 48/.
54. Иоанн Дамаскин,— философские главы, VIII. /Migne,— Patrol. ser. gr., Т. 94, col. 553, Рус. перев. Полное собрание творений Св. Иоанна Дамаскина, т. 1, СПб., 1913, с. 62/.
55. id. Migne, col. 557.
56. Simon /Max/,— Euclid und die sechs planimetrischen Bücher, Lpz., 1901 /S. 25/ Энриквес /Ф/,— Вопросы элементарной геометрии, 1913, с. 46, 47. /Вопросы элементарной геометрии. Сборник статей под ред. Ф. Энриквеса. Пер. И. В. Ящунский. СПб., Кн-во «Физика», 1913/.
57. Lambert,— Briefe an Holland, Deutsch. Gelehrt. Briefwechsel, I, Т. IV. Цитата по У. Амальди,— О понятиях прямой и плоскости. I, 3, в сборнике Ф. Энриквеса,— Вопросы элементарной геометрии, пер. /И. В./ Ящунского, СПб., 1913, с. 48/, 99/.
58. Zeuten /H. G./,— Geschichte der Mathematik im Altertum und Mittelalter. Copenhagen, 1896, S. 115.
Цитата отсюда же, см. прим. 5 /на с. 99/.
59. Simon /Max/,— Euclid und die sechs planimetrischen Bücher, Lpz., 1901, S. 25.
60. У. Амальди,— О понятиях прямой и плоскости. I, 3, в сборнике Ф. Энриквеса. Вопросы элементарной геометрии, пер. Ящунского, СПб., 1913, с. 48.
61. Du Cange,— Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, editio nova, Т. VI, Parisius, 1736, col. 1069.
62. Аристотель,— Anal. I₁ 24b 16. * * *
/См.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., «Мысль», 1978, с. 120: «Термином я называю то, на что распадается посылка, т. е. то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается, с присоединением глагола „быть“ или „не быть“...»/
63. R. Gockelenius /Göckel/,— Lexicon philosophicum, 1613/, p. 1125.
64. G. Gutberlet,— Logik/ u/nd/ Erk/enntnis/, 2te Ausg., S. 17.
65. A. Höfler,— Grundlag/e/ d/er/ Logik, 2te Ausg., S. 14. /Проф. Алоиз Гефлер. Основные учения логики. Пер. с четвертого нем. изд. И. Давыдова и С. Салитан. С пред. И. И. Лапшина.— СПб., Издание «Научно-философской библиотеки», 1910, с. 15: «С л о в а, значение которых суть понятия в указанном выше строго логическом смысле, называются научными техническими выражениями/termini...»./
66. Bergson,— Evolution créatrice.
Адри Бергсон.— Творческая эволюция. /Авторизованный пер. с фр. В. А. Флеровой. М.— СПб., Кн-во «Русская мысль», 1914 /с. 129.
67. Bergson,— id. Бергсон,— id., с. 129.
68. Bergson,— id. Бергсон,— id., с. 130.
69. Bergson,— id. Бергсон,— id. с. 130.